

На правах рукописи

Третьяк Сергей Сергеевич

Современная внешняя политика Турецкой Республики в Африке

Специальность 5.5.4 – Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой
степени кандидата политических наук

Симферополь – 2026

Работа выполнена на кафедре политических наук и международных отношений философского факультета Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского».

Научный руководитель:

Шепелев Максимилиан Альбертович
доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры политических наук
и международных отношений философского
факультета Института «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского».

**Официальные
оппоненты:**

Филин Никита Александрович
доктор исторических наук, доцент, декан
факультета востоковедения и африканистики
Института евразийских и восточных
исследований ФГАОУ ВО «Российский
государственный гуманитарный университет».

Демешко Наталья Эдуардовна
кандидат политических наук, доцент, доцент
кафедры социально-философских и
политических наук Института общественных
наук и международных отношений ФГАОУ ВО
«Севастопольский государственный
университет».

Ведущая организация:

ФГАОУ ВО «Южный федеральный
университет».

Защита состоится «29» сентября 2026 года в 12:00 на заседании диссертационного совета 24.2.318.07 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» по адресу: Республика Крым, г. Симферополь, ул. Ялтинская, д. 20, зал по защите диссертаций (аудитория 301).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» по адресу: 295007, Республика Крым, просп. Академика Вернадского, д. 4, и на сайте университета по ссылке: <https://science.cfuv.ru/gosudarstvennaya-nauchnaya-attestaciya/dissertacionnye-sovety/dissertacionnye-raboty-sovety-d-900-006-13/tretyak-sergej-sergeevich>

Автореферат разослан «__» _____ 2026 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета 24.2.318.07
доктор политических наук, профессор

Л.Г. Халанская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность исследования внешнеполитического курса Турции обусловлена фундаментальной трансформацией современного международного порядка, который переходит от моноцентричной к полицентричной модели глобального управления. Этот переход создает благоприятные условия для ревизии сложившейся системы международных отношений. В данном контексте Турция с 2002 г. под руководством Р. Т. Эрдогана и Партии справедливости и развития (ПСР) последовательно осуществляет стратегическую ревизионистскую политику, направленную на возвращение имперского влияния и вхождения в клуб современных великих держав. Суть этой политики, известной под общим термином «неоосманизм», заключается в освобождении от свойственной для второй половины XX в. чрезмерной политической, военной и экономической зависимости Турции от Запада посредством установления доминирования в Афразийском пространстве – регионе-геополитическом наследнике Османской империи. Расположенный на стыке трех континентов регион Афразии обладает уникальным стратегическим значением благодаря концентрации в его пределах ключевых логистических узлов и природных ресурсов. Контроль над ключевыми процессами в данном регионе, по задумке Анкары, позволит ей добиться реставрации имперских позиций, утерянных после Первой мировой войны, и войти в клуб ведущих мировых держав.

Дополнительную актуальность исследованию придает феномен регионализации политических процессов, в рамках которого Турция, традиционно рассматривавшаяся как периферийный элемент трансатлантической системы, осуществляет радикальный пересмотр своего внешнеполитического курса. Анкара реализует комплексную стратегию политической, военной, экономической и культурно-гуманитарной экспансии в Афразии, используя «османское наследие» как инструмент для трансформации собственного международного статуса.

Тем не менее, к концу первой декады XXI в. геополитические амбиции Турции вошли в очевидное противоречие с внутренними макроэкономическими ограничениями. Несмотря на впечатляющие политические, экономические и гуманитарные успехи в Афразии, все больше факторов говорит о том, что к третьей декаде XXI в. активная региональная политика Анкары так и не трансформировалась в устойчивый экономический рост и повышение благосостояния населения, а, напротив, истощила ресурсы, необходимые стране для долгосрочного развития. Возникает парадоксальная ситуация, когда попытка вернуть субъектность и суверенитет через внешнюю экспансию ведет к усилению внутренней уязвимости и зависимости от внешней конъюнктуры, что и составляет суть кризиса перенапряжения, который многие исследователи называют «имперским».

Понимание природы данного кризиса может быть полезным для России с практической точки зрения. Опыт Турции, в частности, иллюстрирует возможную связь между амбициозной внешней политикой, не обеспеченной прочным экономическим фундаментом, и обострением внутренних проблем. Осмысление

этого опыта способствует поиску баланса при выстраивании внешнеполитической стратегии. В конечном счете, турецкий пример служит важным напоминанием, что подлинный суверенитет и статус великой державы достигается не только благодаря военно-политической экспансии, но, прежде всего, через обеспечение внутренней экономической стабильности и внешней технологической конкурентоспособности, без которой любые внешнеполитические амбиции в XXI в. остаются неустойчивыми и потенциально опасными для национального развития.

Степень разработанности проблемы исследования. В основу исследования положен обширный массив литературы, посвященный современной политике Турции в пространстве Афразия и смежным темам. Изученная научная и аналитическая база была сгруппирована автором в пять тематических блоков.

Первый блок посвящен специфическим чертам Афразии как целостного геополитического региона. Об интеграционной склонности афразийского пространства в контексте крупных историко-цивилизационных форм писали отечественные и зарубежные ученые Л. С. Васильев, Н. Э. Демешко, А. А. Ирхин, Н. Е. Кабанова, Н. С. Кирабаев, Х. Маккиндер, О. А. Москаленко, Ю. В. Павленко, В. М. Раков, А. Тойнби, М. Г. Ходжсон. Исследованием региона как пространства межцивилизационного диалога между Азией и Африкой занимались С. Адем, Р. Аухенбах, В. Бахманн, Я. Бик, Н. Бхаруджа, М. Еичи, Дж. Н. Каругия, А. А. Мазруи, Р. Мажеза-Бартель, М. Пандуранг, Ф. Шульце-Энглер. О географических рамках Афразии, совпадающих с границами Большого Ближнего Востока, писали В. Г. Барановский, Т. А. Ганиев, В. В. Карякин, Д. О. Макаров, В. В. Наумкин, Д. К. Погосян.

Во второй блок входит характеристика «тюркоцентристского» подхода Турции к конструированию пространства Афразия, особое место в разработке которого занимают труды А. Давутоглу. Исследованием данного направления занимались В. А. Аватков, О. В. Барнашов, А. В. Белоглазов, В. А. Дергачев, Н. Э. Демешко, К. А. Гумбатов, А. А. Ирхин, А. Исаев, Н. Е. Кабанова, В. В. Матюхин, О. А. Москаленко, Р. Н. Надыров, А. О. Осипян, Х. Е. Салум, А. В. Сулейманов, А. Тепе, М. А. Шпаковская. Также описанием идеологических конструктов, положенных в основу современного подхода Турции к афразийскому пространству, занимались такие советские ученые, как М. А. Гасратян, И. Ганусец, О. И. Гигинейшвили, Д. Еремеев, С. Ф. Орешкова, Ю. А. Петросян, И. В. Самыловский, А. А. Чакрян.

Третий блок рассматривает основы современной внешней политики Турции в Афразии. Элементы ее идейно-ценностного базиса исследовали В. А. Аватков, Л. Н. Галимова, Л. Е. Гринин, А. А. Деев, Н. Э. Демешко, А. А. Ирхин, Д. М. Ишанова, А. В. Коротаев, В. В. Матюхин, В. А. Надеин-Раевский, Л. А. Сафарян, П. Е. Смирнова, М. Ш. Товсултанова, Р. А. Товсултанов, Н. С. Трубецкой, Н. В. Шкира. Инструменты внешней политики Турции в Афразии в своих трудах описывали В. А. Аватков, А. И. Алиева, В. А. Дергачев, Н. Э. Демешко, Н. В. Ибадов, А. А. Ирхин, Н. Е. Кабанова, М. А. Колесникова, Н. С. Кулиева, Л. Д. Мишин, О. А. Москаленко, С. Н. Шелестов, П. В. Шлыков, М. Урпер.

В четвертом блоке отражены специфические особенности политики Турции в каждом из субрегионов афразийского пространства. В отношении Восточной Африки их характеристикой занимались В. А. Аватков, Л. М. Алексанян, Д. Г. Бдоян, А. В. Белоглазов, Э. Г. Вартаньян, К. Н. Гасанов, Н. Э. Демешко, И. И. Иванова, А. А. Ирхин, В. Н. Коновалов, Р. Н. Надыров, Ю. В. Павленко, Б. А. Парахонский, Г. К. Погосян, Р. Н. Шангараев, Д. Э. Эбжноу. Ключевые характеристики турецкой политики в Южной Африке даны в работах таких авторов, как В. А. Аватков, Ю. А. Белоус, О. В. Барнашов, В. А. Данилов, К. Н. Гасанов, Е. М. Горюшина, Р. И. Гузаеров, А. И. Зубкова, А. Инсель, А. А. Колесников, М. А. Колесникова, Н. С. Кулиева, А. К. Малаховский, В. Наумкин, А. О. Осипян, И. А. Сандано, И. А. Свистунова, А. Сваранц, А. Фролов, М. Урпер, П. В. Шлыков, М. А. Шпаковская, Ю. Б. Щегловин. Характерные элементы политики Турции в Западной Африке описывали В. А. Аватков, Л. М. Алексанян, Э. Бовьер, И. Бочаров, А. Богуславский, В. Гончаров, А. Габриелян, А.-С. Виал, О. А. Капошин, Д. Миргород, А. Ю. Носков, И. А. Свистунова, А. Тепе, Ю. О. Томилова, Ю. Б. Щегловин, В. С. Ягья.

Пятый блок включает в себя ключевые критерии оценки потенциала Турции как великой державы, в число которых входят геополитические, геоэкономические, ресурсные, технологические и демографические параметры. Они нашли отражение в работах таких авторов, как А. Алесина, Д. С. Апинян, Е. С. Арляпов, У. Я. Асал, Р. Вацарг, М. Йилмаз, О. Д. Макар, Г. Г. Малинецкий, С. Малкомсон, А. О. Митряйкина, Е. Г. Пономарев, Н. Дж. Спикмэн, Э. Сполаоре, К. Г. Суанян, Е. Чобанян, Р. Н. Шангараев, М. Яба. Гипотеза о возможном наступлении в Турции фазы «имперского перенапряжения» базируется на теории, ключевыми авторами которой являются П. Кеннеди, Р. Коллинз, У. Макнил и Т. Скочпол. Социально-политические основы неосманского курса Турции и его современное состояние исследовали Т. А. Ахмедов, В. В. Зубов, С. Иванов, С. Кагаптай, Ш. Х. Нуруллаев, И. Панкратенко, М. Соболев, Н. Ю. Ульченко, М. М. Шумилов.

Цель диссертационного исследования – исследовать внешнюю политику Турции в пространстве Африки.

Для достижения заявленной цели работы решаются следующие **задачи**.

1. Охарактеризовать специфику Африки как особого геополитического региона.
2. Выявить роль Турции как субъекта региональных геополитических процессов в пространстве Африки.
3. Раскрыть идейно-ценностный базис и определить инструментарий внешней политики Турции в Африке.
4. Определить структуру внешней политики Турции в пространстве Африки и особенности механизмов ее реализации в зависимости от субрегиона.
5. Раскрыть геополитические и геоэкономические параметры мощи Турции, достигнутые ею в рамках «африканской» политики.
6. Провести оценку экономической эффективности Турции на основе анализа ее ключевых макроэкономических показателей.

7. Рассмотреть техноэкономические детерминанты Турции, влияющие на ее позиции в борьбе за статус великой державы.

8. Проанализировать современное состояние и перспективы умеренно-исламистской власти и неоосманской идеологии в Турции как концептуальной основы ее курса на достижение статуса великой державы.

Объектом исследования является внешняя политика Турции.

Предметом исследования выступает афразийское направление внешней политики Турции.

Хронологические рамки исследования охватывают период 2002–2025 гг., что обусловлено необходимостью анализа внешнеполитического курса Турции в Афразийском регионе после прихода к власти Партии справедливости и развития. Указанный временной отрезок соответствует периоду формирования и последовательной реализации нового турецкого внешнеполитического курса, основанного на принципах неоосманизма и стратегической переориентации Анкары в пространстве исторического османского влияния – для выхода из периферийного статуса Турции в рамках трансатлантической системы и движения к региональному лидерству с возможным переходом ее влияния на уровень великой державы. Выбор нижней хронологической границы (2002 г.) детерминирован началом системных изменений во внешнеполитическом курсе Турции, тогда как верхняя граница (2025 г.) позволяет оценить современное состояние и перспективы развития «афразийской» политики в условиях меняющейся архитектуры международных отношений.

Географические рамки исследования. Пространство Афразия географически детерминировано в пределах восточного субрегиона – Южным Кавказом и северными горными районами Ирана, в пределах южного – Аравийским полуостровом, в пределах западного – Северной Африкой до восточной границы Сахеля и Африканского рога.

Основная научная гипотеза исследования. С момента прихода к власти Партии справедливости и развития в 2002 г. Турция проводит целенаправленный внешнеполитический курс по обретению статуса великой державы через освобождение от традиционной политической, военной и экономической зависимости от Запада. Данная стратегия, известная как «неоосманизм», использует пространство бывшей Османской империи (Афразию) и «османское наследие» в качестве ключевых ресурсов для изменения своего геополитического статуса. Однако в процессе реализации этого амбициозного курса Турция столкнулась с комплексом структурных проблем и ограничений – геополитических, геоэкономических и политико-социальных, – которые препятствуют полной реализации ее глобальных амбиций. Накопившиеся противоречия между внешнеполитическими амбициями и реальными возможностями страны создают угрозу для долгосрочной устойчивости неоосманского курса и ставят под сомнение возможность достижения Турцией статуса великой державы в условиях формирующегося полицентричного миропорядка.

Теоретико-методологической основой исследования является синтез цивилизационной парадигмы и парадигмы политического реализма.

Цивилизационная парадигма позволила рассматривать политику Турции в Афразии в контексте актуализации и практического применения культурно-исторического наследия Османской империи. В рамках нее неоосманизм представляется не просто внешнеполитической доктриной, а идеологией, апеллирующей к общей исторической памяти и культурным кодам народов Турции и стран Афразийского пространства. Этим объясняется фокусирование турецкой «мягкой силы» на восстановлении культурно-исторических связей через такие государственные институты, как ТІКА или Фонд Юнуса Эмре.

Применение цивилизационной парадигмы дало возможность определить Афразию в виде большого культурно-исторического пространства и тем самым объяснить претензии Анкары на особую роль в регионе. Более того, это позволило комплексно проанализировать риторику турецкого руководства о «братстве народов» и «исторической ответственности», раскрывая ее в виде инструмента обоснования гегемонистских амбиций. Обращение к цивилизационной парадигме дало возможность выявить идейную основу действий Турции, которая представляет Афразию как собственное цивилизационное пространство, подлежащее реинтеграции под ее эгидой для обретения через это статуса великой державы.

Парадигма политического реализма позволила раскрыть прагматичную сторону борьбы Турции за влияние в Афразии, фокусируясь на стремлении Анкары к региональной гегемонии, что проявилось в создании военных баз, силовых операциях, использовании рычагов давления и т.д. Историко-цивилизационная риторика при этом служит инструментом легитимизации этой прагматичной политики. Реализм объясняет, как идеалистические лозунги сочетаются с ситуативными альянсами и жесткой прагматикой, диктуемой балансом сил. Обращение к парадигме политического реализма позволило также выявить важную закономерность, когда рост влияния Турции неизбежно провоцирует сопротивление других держав и ведет к росту издержек, увеличивая риски «имперского перенапряжения».

Ввиду структурных ограничений международной системы целесообразным также было обращение к положениям неореализма, в рамках которого политика Турции в Афразийском регионе может рассматриваться также как рациональная адаптация к упадку влияния сверхдержав XX в. и появлению стратегических вакуумов влияния. Современный же правовой характер международных отношений вынуждает Анкару часто использовать гибридные инструменты проецирования влияния.

В рамках исследования внешняя политика Турции в Афразии анализируется также через призму геополитического и системного подходов.

Геополитический подход позволил определить стратегическое значение Афразии для Турции, которая рассматривает ее в виде плацдарма для трансформации собственного международного статуса. Контроль над этим пространством рассматривается Анкарой как ключ к мировым морским путям,

энергоресурсным регионам и зонам геополитического влияния. Данный подход объясняет логику размещения турецких военных баз за рубежом, реализации крупных внутренних и зарубежных инфраструктурных проектов, непопулярных турецких внешнеполитических инициатив и т.д. Разновекторное доминирование в пределах Афразии призвано обеспечить успех реализации великодержавных амбиций Анкары.

Системный подход дал возможность рассмотреть Афразию как целостный геополитический регион, а также проанализировать афразийскую политику Турции в виде комплексной системы действий по восстановлению имперского влияния. Его применение дало возможность выявить взаимосвязь между различными уровнями и плоскостями турецкой региональной экспансии, продемонстрировав, как одни шаги влияют на эффективность других. Данный подход также показал, как глобальные изменения баланса сил и прочие внешние вызовы отражаются на региональной динамике, вынуждая Анкару адаптировать под нее элементы своей внешней политики.

Методологический инструментарий включает комплекс общенаучных и специальных методов. В их число вошли анализ и синтез эмпирических данных, их сравнение, анализ документов и анализ статистических данных, а также исторический метод. Автором был разработан и применен специальный количественный инструмент – Индекс ресурсной обеспеченности (ИРО). Его использование позволило провести расчет и оценку уровня энергетической независимости Турции в контексте ее внешнеполитической деятельности и глобальной конкуренции.

Эмпирическую базу исследования составил ряд источников. При подготовке работы автор опирался на тексты официальных документов, включая международные договоры и двусторонние соглашения, протоколы, законодательные акты, заявления, меморандумы, конвенции, официальные сообщения, обращения и публичные выступления, размещенные на официальных интернет-ресурсах Министерства иностранных дел Турецкой Республики, Института имени Юнуса Эмре, Международной организации тюркской культуры – TÜRKSOY, Турецкого агентства по сотрудничеству и координации – TİKA, Управления по делам турок за рубежом и родственных общин – YTB, Управления по делам религии Турции – Diyanet, Фонда Diyanet, Трансанатолийского газопровода – TANAP, Высшего избирательного совета Турции, Президента Российской Федерации, Государственного совета КНР, Евразийской экономической комиссии и др.

Для сбора статистических данных, необходимых для исследования, автор обращался к следующим источникам баз данных, размещенных на интернет-ресурсах: Статистический отдел Департамента по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций (ООН), Управление энергетической информации США (EIA), Управление по регулированию энергетического рынка Турции, Управление международной торговли Министерства торговли США, Всемирная ядерная ассоциация, Международное агентство по возобновляемым источникам энергии, статистический ресурс Worldometer, статистический ресурс

World Population Review, турецкая социологическая организация MetroPoll, Институт Гэллопа и др.

Источниками эмпирических данных послужили информационные и обзорные статьи, опубликованные в периодической печати и на электронных ресурсах. Автором были использованы следующие интернет-ресурсы: интернет-версия Большой российской энциклопедии, портал КиберЛенинка, портал журнала «Международная жизнь», портал Института Ближнего Востока, портал Российского совета по международным делам (РСМД), портал турецкого аналитического центра SETA, портал Middleeasteye, портал Каспийского института стратегических исследований, портал журнала «Россия в глобальной политике», интернет-журнал «Новое Восточное Обозрение» и др.

Научная новизна полученных результатов.

1. Разработана авторская методика оценки ресурсного (в данном случае – энергетического) потенциала государств-претендентов на мировой статус посредством Индекса ресурсной обеспеченности, интегрирующего количественные показатели по категориям ресурсов (в исследовании – классических энергетических).

2. Проведен сравнительный анализ пространственной дифференциации турецкой политики в Афразии (восточное, южное и западное направления) с выявлением специфических инструментов влияния и конкурирующих акторов для каждого субрегиона.

3. На основании анализа ключевых макроэкономических показателей доказано утверждение о вступлении Турции в фазу «имперского перенапряжения», которая стала очевидной на рубеже второй и третьей декад XXI в., что является прямым системным следствием ее активной неоосманской внешней политики, направленной на проекцию влияния в Афразии.

4. Доказано утверждение о структурной ограниченности турецких амбиций по достижению статуса великой державы посредством проведения комплексного анализа семи ключевых факторов (военно-политического, логистического, глобально-проектного, ресурсного, технологического, демографического и внутривосточного), что позволило выявить качественное отличие потенциала Турции от возможностей других мировых центров силы.

Положения, выносимые на защиту.

1. Представление об Афразии как о геополитическом регионе вошло в научный дискурс после распада Османской империи, приобретя современные очертания в связи с внешней политикой умеренно-исламистской элиты в Турции, пришедшей к власти в 2002 г. Хотя данный термин не закреплен официально в доктринальных документах, его концептуальное содержание находит отражение в политической риторике и практических действиях турецкого руководства, что свидетельствует о его неформальном признании среди правящей элиты и консервативных слоев турецкого общества. Внешнеполитическая активность Анкары в данном регионе соответствует парадигме «туркоцентричного» восприятия, где Афразия концептуализируется как историческая родина (Vatan)

турецкого народа и связывается с эпохой его наибольшего величия и максимального территориального расширения.

2. Идеологическая основа современной внешней политики Турции в Афразии представляет собой синтез традиционных ценностей и прагматичных подходов, обеспечивающих эффективную реализацию стратегических интересов страны. Сохраняя неизменными фундаментальные принципы неоосманской концепции, турецкое руководство демонстрирует значительную адаптивность в выборе инструментов и методов их применения, что позволяет гибко реагировать на новые вызовы в регионе.

3. Геополитическое положение Турции, сформированное историческими условиями ее развития, определяет структурные особенности ее курса на достижение статуса великой державы через установление доминирования в Афразийском регионе. Эти факторы обуславливают специфическую конфигурацию применяемых Анкарой механизмов и методов влияния, сочетающих элементы «жесткой» и «мягкой силы» в различных пропорциях в зависимости от конкретного субрегиона и обстановки в нем.

4. Восточноафразийское направление внешней политики Турции отличается преобладанием пантюркистских установок (в их основе лежат этнолингвистические связи), направленных на укрепление тюркской идентичности и переходящих в пантуранистские, нацеленные на политическое объединение тюркских народов. Основополагающий турецкий проект в регионе реализуется в виде конструирования Великого Турана – наднациональной разноуровневой структуры, центральное положение в которой должна занять Турция. Ее естественным соперником в пространстве выступают Россия и Иран, реализующие собственную региональную политику ввиду близости границ, национальных интересов и вопросов безопасности.

5. Политика Турции в Южной Афразии характеризуется преобладанием неоосманских установок и актуализацией внутриисламской суннитской идентичности. Южноафразийскому субрегиону свойственно наличие значительного числа крупных региональных акторов-конкурентов – Иран, Королевство Саудовская Аравия (КСА), Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), – а также надрегиональных – Россия, Китай, США, – интересы которых вынуждена учитывать Турция.

6. Западноафразийский вектор внешней политики Анкары определяется в большей степени актуализацией внутриисламской солидарности и ссылок на общее «османское» прошлое турок с народами субрегиона. При этом едва ли не главным двигателем политики в обозначенном направлении является турецкий экономический и геополитический интерес. Ключевым крупным региональным соперником Турции является Египет, надрегиональными – преимущественно Россия и Китай, в меньшей степени – США.

7. Претендуя на роль великой державы, Турция использует в Афразии полный спектр инструментов для укрепления собственного геополитического влияния, однако в количественном и качественном отношении ее ресурсы часто

уступают возможностям ключевых мировых конкурентов, способных более эффективно проецировать силу на все континенты, в отличие от Анкары.

8. Турецкая политика по достижению статуса великой державы через установление собственного доминирования в Афразии, несмотря на системность и разновекторность, сталкивается с существенными макроэкономическими ограничениями, препятствующими реализации амбиций Анкары и позволяющими предположить о вхождении Турции в фазу «имперского перенапряжения».

9. Ресурсная зависимость Турции в энергетическом секторе создает уязвимость для ее внешнеполитического курса, вынуждая Анкару учитывать интересы стран-поставщиков, ведущих в пределах Афразийского пространства собственную политику.

10. Политическая устойчивость неоосманского курса имеет ряд уязвимостей, поскольку данная линия остается тесно связанной с персоной Р. Т. Эрдогана и Партией справедливости и развития, не будучи институционализированной (как кемализм) в качестве официальной государственной доктрины, что создает угрозу для достижения Турцией статуса великой державы.

11. Прошедшие весной 2023 г. всеобщие выборы, объединившие президентские и парламентские, продемонстрировали рост оппозиционных настроений. Экономические трудности Турции, с которыми она столкнулась в рамках своей политики в Афразии, подрывают общественную поддержку правящей умеренно-исламистской элиты. Социологические исследования, проведенные турецкой компанией MetroPOLL и американским Институтом Гэллопа, фиксируют самый низкий уровень одобрения политики власти за последние два десятилетия. Это ставит под вопрос преемственность и успех текущего внешнеполитического курса Турции в случае прихода к власти оппозиции, которая, в свою очередь, может уже сама провести ревизию государственной политики и отказаться (частично или полностью) от особо ресурсоемких инициатив.

Теоретическая значимость исследования. Разработанный автором Индекс ресурсной обеспеченности расширяет методологический аппарат сравнительных политических исследований, позволяя количественно оценивать ресурсную базу внешнеполитических амбиций государств. Определение Афразии в качестве целостного геополитического региона с собственной структурой взаимодействия глобальных и региональных акторов обогащает дискурс о трансформации современного миропорядка. Исследование также углубляет понимание механизмов использования исторического наследия во внешней политике, демонстрируя на примере, как османская идентичность была трансформирована в стратегический ресурс современной Турции. Большую ценность представляет анализ взаимосвязи между внутривнутриполитической стабильностью государства и его внешнеполитическими амбициями, раскрывающий уязвимость неоосманского проекта Турции.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его выводы и оценки могут быть использованы внешнеполитическими ведомствами, полезны

для государственных деятелей и дипломатов различного ранга, для экспертов в области международных отношений, специалистов-востоковедов и специалистов-африканистов. Материалы проведенного исследования могут быть использованы при подготовке учебных курсов в отношении внешней политики Турции и международных отношений на Южном Кавказе, Ближнем Востоке и Африке по укрупненным группам специальностей и направлений: 41.00.00 Политические науки и регионоведение, 58.03.01 Востоковедение и африканистика.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности полученных результатов обеспечивается репрезентативной теоретической и эмпирической базой, корректностью применяемых методологических принципов и апробацией материалов исследования.

Основные положения и выводы диссертационной работы были использованы для подготовки докладов и сообщений на научных конференциях, в том числе международных: Международная научная конференция «Великие державы в XXI веке» (К годовщине Крымской (Ялтинской) конференции союзных держав 1945 года) (12 февраля 2021 г.); VI Международный симпозиум по Ближнему Востоку «Социально-политические изменения на Ближнем Востоке» (18 мая 2021 г.); Международный круглый стол «Геополитические итоги года» (17 декабря 2021 г.); Международный круглый стол «К 100-летию Генуэзской конференции и Рапальского договора» (22 апреля 2022 г.); VII Международный симпозиум по Ближнему Востоку «Политическая и социальная стабильность на Ближнем Востоке» (10 мая 2022 г.); XL Международный Харакский форум «Политическое пространство и социальное время: Право силы против силы права» (5-7 ноября 2022 г.); Международный круглый стол «Геополитические итоги года» (12 декабря 2024 г.); Международная научная конференция «Крым в мировом научно-образовательном пространстве» (18 декабря 2025 г.), Международный круглый стол «Геополитические итоги года» (25 декабря 2025 г.), Международная научная конференция «Крым в глобальной политике: на перекрестке мировых проектов» (26 марта 2026 г.).

По теме диссертационного исследования опубликовано 6 статей, в том числе 4 из них – в рецензируемых научных периодических изданиях, включенных в перечень ВАК РФ.

Связь работы с научными программами, планами, темами.

Диссертационное исследование выполнено в рамках темы научной работы кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» «Роль и место Крыма в развитии Российской Федерации в условиях формирования нового мирового порядка: политическое и международное измерения» (2021–2025 гг.), номер государственной регистрации АААА-А21-121011990134-4.

Соответствие темы и содержания диссертации паспорту научной специальности. Исследование соответствует пунктам паспорта специальности 5.5.4 – Международные отношения, глобальные и региональные исследования.

- п 4. «Ценности и интересы в международных отношениях и в мировой политике. Международные отношения как пространство реализации и отстаивания ценностей и интересов различных субъектов» (находит свое отражение в анализе идеологической основы политики Турции в Афразии как инструмента отстаивания ее национальных интересов);

- п 5. «Мировой порядок: теории, модели, генезис и трансформация. Фактор и центры силы в мировом порядке» (раскрывается в рассмотрении Турции как регионального центра силы, претендующего на изменение баланса и создание собственной сферы влияния в рамках трансформирующегося мирового порядка);

- п 9. «Геополитические факторы и процессы» (раскрывается в изучении пространственной и исторической динамики влияния Турции в крупном геополитическом регионе – Афразии);

- п 12. «Внешняя политика и дипломатия» (находит свое отражение в исследовании внешнеполитической деятельности Турции в отношении государств Афразии, ее региональных и надрегиональных акторов).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка использованных источников и литературы, а также приложений. Общий объем работы составил 261 страницу, из них 41 – список использованных источников и литературы, включающий 346 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** определена актуальность темы исследования, охарактеризована степень разработанности проблемы, обозначены цель и основные задачи диссертационной работы, объект и предмет исследования. Установлены хронологические и географические рамки исследования; заявлена основная научная гипотеза исследования; определена методология исследования; перечислена эмпирическая база; обоснована научная новизна; сформулированы основные положения, выносимые на защиту; обусловлена теоретическая и практическая значимость работы, а также показана степень апробации полученных результатов.

Первая глава «Теоретико-методологические основы исследования внешней политики Турции в пространстве Афразия» посвящена определению Афразии в качестве геополитического региона и «тюркоцентристского» подхода Турции к формированию макрорегиональной политики, а также анализу идейно-ценностного базиса и инструментария внешней политики Анкары в Афразийском пространстве.

В параграфе 1.1. «Афразия как геополитический регион и «тюркоцентристский» подход Турции к формированию макрорегиональной политики» анализируются ключевые подходы к определению Афразии в качестве геополитического пространства. Выявлены внутренние и внешние факторы, обусловившие смену внешнеполитического курса Турции в начале XXI в.

Афразия определяется Турцией как ареал исторического доминирования Османской империи, используемый для проецирования влияния с целью вхождения в клуб великих держав. Пространство представлено тремя субрегионами: Восточной, Южной и Западной Афразией.

Приход к власти в 2002 г. Р. Т. Эрдогана и ПСР стал следствием кризиса кемалистской модели. Умеренно-исламистская элита предложила турецкому обществу, уставшему от нестабильности и кризисов, «мягкую» программу обновления экономики и восстановления национального величия. Идейной основой данной программы стал неоосманизм, опирающийся на консервативные постулаты и апелляцию к османскому прошлому. Концептуальное оформление неоосманизм получил в доктрине «Стратегическая глубина» и принципе «ноль проблем с соседями» А. Давутоглу. Доктрина стала ответом на американскую региональную концепцию «Большой Ближний Восток». Инициировав ревизионистскую политику и апеллируя к «османскому наследию», Турция бросила вызов международной иерархии, которую считает несправедливой.

В параграфе 1.2. «Идейно-ценностный базис и инструментарий внешней политики Турции в Афразии» рассматриваются ключевые идеологические элементы внешнеполитического курса Турции в Афразии, а также основные инструменты «мягкой» и «жесткой силы», используемые Анкарой для продвижения своих интересов в этом регионе.

Неоосманизм является системообразующей идеологией, объединяющей пантюркизм, пантуранизм, исламизм и другие концепты. Пантюркизм предполагает солидаризацию тюркских народов на основе этнолингвистической общности, пантуранизм – их военно-политическое объединение под эгидой Турции. Исламизм формирует для Турции образ защитницы мусульман и лидера в исламском мире.

Ключевыми инструментами политики Турции в Афразии выступают элементы «мягкой» и «жесткой силы»: от инвестиций и культурной дипломатии до военных операций и размещения вооруженных сил за рубежом. Стратегическими программами закрепления неоосманских амбиций Анкары являются «Видение-2023», «Турецкий век» и концепция «Голубая родина».

Внешняя политика Турции в Афразии с начала XXI в. прошла три этапа. Первый – характеризовался акцентом на принцип «ноль проблем с соседями», выражаясь в сдержанной дипломатии, ставке на экономику и гуманитарное сотрудничество, низкую конфликтность. В Арабской весне 2011 г. Турция увидела шанс на интенсификацию роста своего влияния в регионе. Принцип «ноль проблем с соседями» уступил место «моральному реализму» – синтезу гуманитарной дипломатии и военной силы. Второй этап – более конфликтный, с прямым участием в региональных кризисах, – привел к росту издержек и вынудил Анкару пересмотреть подход. Итогом стал переход к третьему этапу, характеризующемуся вынужденной разрядкой в отношениях с рядом ведущих государств Афразии, нацеленной на преодоление проблем, прежде всего, в экономике и финансах.

В параграфе 1.3. «Теоретико-методологические основы исследования» описываются парадигмы, подходы и методы, применяемые в работе для изучения современной внешней политики Турции в Афразии.

Цивилизационная парадигма позволила интерпретировать неоосманизм как идеологию, построенную на обращении к исторической памяти, культурным особенностям Турции и османскому имперскому наследию, объединяющему турок с народами Афразийского пространства. Парадигма политического реализма (включая неореализм) дала возможность анализировать материальные основания турецкой политики в Афразии. Борьба Турции за региональную гегемонию, обеспечение безопасности и реализацию национальных интересов находит выражение в создании военных баз за рубежом, проведении военных операций, инвестировании в страны региона, участии в развитии энергетических и транспортных маршрутов, активной гуманитарной политике и т.д.

В исследовании применяются геополитический и системный подходы, а также комплекс общенаучных и специальных методов: анализ и синтез эмпирических данных, их сравнение, анализ документов и анализ статистических данных, исторический метод. Автором также разработан и применен специальный количественный инструмент – Индекс ресурсной обеспеченности, позволивший провести оценку уровня энергетической независимости Турции в контексте ее конкуренции с рядом мировых центров силы, каждый из которых претендует на статус великой державы.

Вторая глава «Субрегиональные направления внешней политики Турции в Афразии» посвящена анализу политики Турции в трех субрегионах Афразийского пространства – восточном, южном и западном – где выявлены специфические особенности в инструментарии, идеологическом обосновании и приоритетах Анкары.

В параграфе 2.1. «Тюркский проект и экономическая логика турецкой политики в Восточной Афразии» рассматриваются ключевые направления и инструменты политики Турции в восточном субрегионе Афразийского пространства.

Восточная Афразия (Азербайджан, Грузия, Армения, Северный Иран и Северный Ирак) рассматривается Турцией как стратегический плацдарм для создания транспортного коридора в Центральную Азию – основной ареал «тюркского мира». Политика Турции в субрегионе опирается на пантюркизм и пантуранизм. «Мягкая сила» реализуется через ТІКА, Фонд Юнуса Эмре, Diyanet, гуманитарные, образовательные и медийные проекты, а также экономическое взаимодействие. Ее цель – сформировать лояльную Анкаре молодежь для будущих элит стран субрегиона. Экономическое проникновение Турции осуществляется через энергопроекты и транспортные коридоры, включая Транскаспийский маршрут. Военно-политическая экспансия закреплена Шушинской декларацией и Союзом тюркских государств. Азербайджан является ключевым союзником Турции в субрегионе. Турецкая политика в Южной Афразии ограничена интересами России и Ирана, конфликтогенностью субрегиона, курдским вопросом и интересом США к Зангезурскому коридору (рычаг давления на Турцию).

В параграфе 2.2. «Идеология и безопасность в южноафразийской политике Турции» описываются ключевые факторы, определяющие политику Турции в южном субрегионе Афразийского пространства.

Южная Афразия рассматривается Анкарой как пространство исторической ответственности и «колыбель» исламской цивилизации, что, согласно турецкой логике, легитимизирует ее претензии на лидерство в мусульманском мире. После начала Арабской весны 2011 г. произошел переход от «мягких» к более «жестким» механизмам реализации политики в субрегионе: поддержка прокси-групп в САР, военные операции в Сирии и Ираке, рост экспорта вооружений, строительство военной базы в Катаре.

Национальная безопасность (прежде всего противодействие курдским формированиям) остается экзистенциальным вопросом для Турции. Культурно-религиозная экспансия обеспечивается через ТІКА, Фонд Юнуса Эмре, Diyanet и поддержку суннитских исламистских движений («Братья-мусульмане¹», ХАМАС). С 2021 г. экономическая политика Турции в Южной Афразии сочетает вынужденную прагматичную нормализацию отношений с монархиями Персидского залива и участие в альтернативных Западу международных экономических структурах (БРИКС, ШОС).

В параграфе 2.3. «Экономические возможности и геополитическое значение Западной Афразии для Турции» рассматриваются ключевые факторы, определяющие политику Анкары в западном субрегионе Афразийского пространства.

Западная Афразия привлекательна для Турции прежде всего своим экономическим потенциалом и растущим геополитическим значением. Турецкие строительные компании реализуют масштабные инфраструктурные проекты, обеспечивая рост турецкого влияния в субрегионе. Идеологическим обоснованием турецкой экспансии выступают антиколониальная риторика (схожа с аналогичной у России и Китая) и апелляция к «османскому наследию», закрепляемые через деятельность ТІКА и Diyanet. Военно-политическое присутствие Турции в Южной Афразии обеспечено наличием военных баз в Ливии и Сомали, использованием прокси-сил (ЧВК Sadat), а также экспортом вооружений. Ключевыми вызовами для Анкары выступают растущая конкуренция с Россией и Китаем, а также внутренние экономические проблемы, требующие более избирательного подхода к сохранению опорных точек в субрегионе.

Третья глава «Турция как новая великая держава: амбиции и реальные возможности» посвящена комплексному анализу геополитических, геоэкономических и внутренних политических, экономических и социальных параметров Турции в контексте ее стремления к обретению статуса великой державы.

В параграфе 3.1. «Геополитические и геоэкономические параметры Турции как потенциальной великой державы в контексте глобальной конкуренции» анализируются ключевые характеристики турецкого потенциала в

¹ Верховный суд России признал организацию «Братья-мусульмане» террористической и запретил ее деятельность на территории страны.

сопоставлении с современными мировыми центрами силы – Россия, Китай, США, Великобритания, Франция – посредством сравнения географических, военно-политических и инфраструктурных параметров.

Отсутствие прямого выхода к мировому океану и концентрация военных баз исключительно в пределах Афразии ограничивают для Турции возможность глобального проецирования силы. Также слабой стороной является то, что Анкара не формирует трансконтинентальных инициатив глобального масштаба (аналогичных «Одному поясу – одному пути» Китая или Северному морскому пути России), оставаясь более транзитным звеном в чужих геоэкономических проектах. Турция, безусловно, представляет собой влиятельный региональный актор, чьи великодержавные амбиции, тем не менее, существенно опережают реальные возможности их реализации.

В параграфе 3.2. «Имперское перенапряжение Турции и техноэкономические детерминанты ее суверенитета в сравнении с другими акторами» анализируются макроэкономические индикаторы, свидетельствующие о системных дисбалансах турецкой экономики в контексте реализации неоосманского курса, а также уровень энергетического и технологического суверенитета Турции в сравнении с Россией, Китаем, США, Великобританией и Францией.

После перехода к «моральному реализму» с ростом силовой компоненты во внешней политике (около 2015 г.) в экономике Турции зафиксирован рост инфляции, индекса цен потребителей и производителей, госдолга и бюджетного дефицита, что соответствует признакам вхождения страны в фазу «имперского перенапряжения». Устойчивый рост оборонного бюджета на фоне экономической стагнации подтверждает данный тезис.

Турция имеет низкий индекс ресурсной обеспеченности (28,2) по сравнению с Россией (98,5), США (85,2) и Китаем (58,6), что отражает ее критическую зависимость от импорта энергоносителей. В вопросе достижения технологического суверенитета Турция сталкивается с демографическим дефицитом. «Великий Туран» (около 170 млн. человек) не достигает критической массы населения, необходимой для создания замкнутого инновационного цикла и достижения технологического суверенитета (350-400 млн. человек), функционируя более как рынок сбыта для турецких товаров.

В параграфе 3.3. «Перспективы и риски неоосманизма как основы курса Турции на достижение статуса великой державы» рассматриваются внутренние политические и социально-экономические факторы, определяющие устойчивость неоосманского курса Турции.

Длительный период правления ПСР характеризовалось экономическим ростом и усилением геополитического влияния Турции, что обеспечивало легитимизацию неоосманизма в турецком обществе. Однако с конца второго десятилетия XXI в. кризисные явления – ухудшение макроэкономических показателей, падение доходов, рост инфляции и безработицы – снизили поддержку умеренно-исламистского руководства страны.

Электоральное доминирование ПСР ослабевает. Результаты парламентских выборов 2023 г. показали устойчивое снижение популярности партии, а президентские выборы, проводимые параллельно с парламентскими, продемонстрировали беспрецедентную способность оппозиции к консолидации. Кризис легитимности умеренно-исламистской власти усугубляется персонализацией политического курса страны, институциональной слабостью неоосманства, отсутствием четкой системы преемственности и усилением авторитарных черт правления.

В заключении по результатам проведенного исследования делаются следующие выводы:

1. Геополитическое пространство Афразия, связанное с культурно-историческим наследием Османской империи, выступает ключевой ареной реализации неоосманского проекта Турции, направленного на трансформацию страны из периферийного государства в великую державу. В основе стратегии – историческая риторика, экономическая и гуманитарная экспансия, военно-политическое доминирование. Пересмотр внешнеполитического курса второй половины XX в. стал следствием усталости граждан от нестабильности, разочарования в евроинтеграции и осознания умеренно-исламистской элитой зависимости страны от Запада. Реализация неоосманских принципов стала возможна благодаря сохранению исламских ценностей в обществе и трансформации ПСР из преследуемой группы в гегемонистскую силу, что ознаменовало завершение эпохи доминирования кемалистской модели в Турции.

2. Турецкая политика в Афразии сочетает культурные, гуманитарные и религиозные инструменты, используемые через сеть институтов (TİKA, TÜRKSOY, Фонд Юнуса Эмре, Diyanet и др.), экономическое проникновение и военно-политическое присутствие. В Восточной Афразии влияние Турции базируется на пантюркистской риторике с переходом к пантуранизму; в Южной – на обращении к османскому прошлому и исламской солидарности; в Западной – на сочетании османского дискурса с экономической и военно-политической экспансией.

3. Эволюция политики Турции в Афразии прошла три этапа. Первый (2002-2011 гг.) – отличался акцентом на «мягкую силу» и принципом «ноль проблем с соседями». Второй (2011-2021 гг.) – переходом к «моральному реализму» и росту силовой компоненты во внешней политике под влиянием Арабской весны. Третий (с 2021 г.) – характеризуется корректировкой стратегии под давлением системных вызовов: нормализацией отношений с рядом государств Афразии и переходом к более прагматичному внешнеполитическому подходу.

4. Политика Турции в Афразии адаптивна в отношениях с ведущими акторами пространства. Анкара балансирует между Москвой, Пекином и Вашингтоном, выстраивая ситуативное партнерство с Россией в Южной и Западной Афразии, сочетая его с соперничеством в восточном субрегионе. Турция участвует в китайской инициативе «Один пояс – один путь», пытаясь параллельно ограничить влияние Китая в тюркоязычных странах. Отношения с США сохраняют

двойственный характер: оставаясь союзником по НАТО, Анкара системно оспаривает американское присутствие в Афразии.

5. Достижение Турцией статуса великой державы на текущий момент не реализовано. Сдерживающим фактором выступает ограниченная география присутствия: турецкие объекты за рубежом не обеспечивают доминирующего контроля над Афразией. Анкара не смогла закрепиться в стратегически важных зонах – Суэцком канале, Красном море, проливах Баб-эль-Мандеб и Ормуз, – которые остаются под контролем других игроков.

6. Анкара не выступает инициатором масштабных трансконтинентальных проектов, ограничиваясь участием в инициативах других государств. Несмотря на масштаб, экономическое проникновение в Афразию, тем не менее, так и не позволило Турции добиться доминирующих позиций или потеснить конкурентов – Россию с ее энергетическими проектами или Китай с инициативой «Один пояс – один путь».

7. Геополитические амбиции Турции вступили в противоречие с ее экономическими возможностями, приведя страну в фазу «имперского перенапряжения». Это отразилось в росте инфляции, обесценивании национальной валюты, накоплении внешнего долга и прочих дисбалансах. Рост оборонного бюджета на фоне экономической стагнации подтверждает гипотезу об «имперском перенапряжении» страны. Активная экспансия в условиях ограниченности ресурсов подорвала финансовые, административные и производственные возможности Турции, усилив ее внутреннюю уязвимость.

8. Экспансия Турции в Афразии ограничена структурной слабостью турецкой энергетической базы. Несмотря на строительство АЭС «Аккую» и развитие ВИЭ, Турция остается значительным импортером углеводородов. В отличие от России, Китая или США, турецкие энергетические проекты фрагментарны и не меняют картину стратегической зависимости, что ограничивает способность Анкары к внешнеполитическому маневру.

9. В области достижения технологического суверенитета Турция сталкивается с демографическими ограничениями. Порог внутреннего рынка (350-400 млн. человек), необходимый для формирования самодостаточной экономической системы, на данный момент недостижим для Турции. «Великий Туран» охватывает лишь 170 млн. человек (220 млн. – если учитывать население всех тюркоязычных стран и регионов). Его государства-участники зависимы от китайских инвестиций и российской инфраструктуры. Проект уязвим ввиду установления США контроля над Зангезурским коридором, что может использоваться как рычаг давления на Анкару. Турецкая промышленность сохраняет характер «сборочного цеха» с зависимостью от импортных компонентов, особенно в микроэлектронике и станкостроении.

10. Неоосманский проект Турции имеет фундаментальную уязвимость – чрезмерную персонализацию и зависимость от Р. Т. Эрдогана. В отличие от кемализма, неоосманизм не обрел институциональных основ, оставаясь продуктом эпохи ПСР. Отсутствие консенсуса элит и рост недовольства населения текущей политикой Турции создают риски для преемственности неоосманизма.

Потенциальная борьба за власть после ухода Р. Т. Эрдогана может привести к пересмотру турецких приоритетов в Афразии.

11. Географическое положение на стыке Европы и Азии, рассматриваемое архитекторами неоосманства как преимущество Турции, может быть стратегической ловушкой. Необходимость распределять ограниченные ресурсы между удаленными друг от друга конфликтными театрами (Сирия, Ливия, Южный Кавказ, Восточное Средиземноморье) создает чрезмерную нагрузку на экономику и военный потенциал страны. С начала реализации неоосманского курса Турция не обрела бесспорной зоны влияния даже в пределах Афразии, выступая лишь одним из факторов наряду с российским, китайским или американским присутствием. Структурные ограничения, вероятно, останутся непреодолимыми без радикального пересмотра внешнеполитических приоритетов страны.

Все вышеобозначенные выводы свидетельствуют о системном характере противоречий между неоосманскими амбициями Турции и ее реальными геополитическими, геоэкономическими и внутривластными возможностями, что подтверждает выдвинутую гипотезу о вступлении страны в фазу «имперского перенапряжения». Полученные результаты исследования могут стать основой для дальнейшего изучения трансформации внешнеполитической стратегии Турции в условиях полицентричного миропорядка, анализа адаптационных механизмов неоосманства как идеологии, а также прогнозирования долгосрочных последствий турецкой экспансии в Афразийском пространстве для системы международных отношений и позиций других акторов, включая российские.

Можно констатировать, что выдвинутая рабочая гипотеза исследования подтвердилась: с момента прихода к власти ПСР в 2002 г. Турция проводит целенаправленный курс на достижение статуса великой державы через преодоление чрезмерной политической, военной и экономической зависимости от Запада, используя Афразию и «османское наследие» как ключевые ресурсы. Однако в ходе реализации данного курса страна столкнулась с комплексом структурных проблем – геополитических, геоэкономических и политико-социальных, – препятствующих полной реализации ее амбиций. Накопившиеся противоречия между амбициями и реальными возможностями создают угрозу для устойчивости неоосманского курса и ставят под сомнение возможность достижения Турцией статуса великой державы в условиях формирующегося полицентричного миропорядка.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

*Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях,
рекомендованных ВАК РФ:*

1. Третьяк С. С. Характер современной политической культуры стран мусульманского мира / С. С. Третьяк // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – №3, 2019. – С. 83–91.

2. Третьяк С. С. Роль Турции в сирийском конфликте: анализ работ российских авторов / С. С. Третьяк // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. – №4, 2021. – С. 464–471.

3. Третьяк С. С. Концепция Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина»: теория и практика / С. С. Третьяк // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – №2, 2022. – С. 109–123.

4. Третьяк С. С. «Имперское перенапряжение» Турции в контексте неоосманской политики / С. С. Третьяк // Мировая политика. – № 1, 2026. – С. 80–102.

Прочие публикации:

1. Третьяк С. С. Исламский фактор в политике Турции на подконтрольных территориях в Сирии / С. С. Третьяк // Политическое пространство и социальное время: право силы vs сила права. Сборник научных трудов XL Международного Харакского форума 5–7 ноября 2022 г., г. Ялта / Под общ. ред. Т. А. Сенюшкиной; [науч. ред.: Е. А. Сенюшкин]. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. – С. 321–329.

2. Третьяк С. С. Неоосманский курс Турции: внутренние вызовы легитимности / С. С. Третьяк // Политическое пространство и социальное время: цифровизация власти и вызовы виртуальной повседневности. Сборник научных трудов XLVI Международного Харакского форума 12-15 ноября 2025 г., г. Севастополь – Симферополь / Под общ. ред. Т. А. Сенюшкиной; [науч. ред.: Е. А. Сенюшкин]. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2026. – С. 267–273.